

Обнимемся на облаках

Красноярского общества «Мемориал» больше нет, и имена репрессированных в крае больше не зачитывают. Но они с нами, и все они теперь защищены, попав в облачные сервисы

30 октября, Красноярск. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

16:44, 30 октября 2025,

Алексей Тарасов

обозреватель «Новой»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

В Красноярске 30 октября, в день памяти жертв советского политического террора, у мемориального камня собрались три десятка человек: короткая горькая речь, стихи, минута молчания, возложение гвоздик. И — венка от краевой администрации. Впрочем, это никак не афишируется и подписан он так: «Жертвам политических репрессий от жителей Красноярского края». Персонально присутствует Алексей Кулеш, депутат Заксобрания края (от Железногорска и от «Единой России»), глава комитета по строительству, ЖКХ и вопросам ГО и ЧС. Несмотря на невеликий пост, значимая, в общем, фигура в краевой власти. И отнюдь не отбывает номер. Не лезет нести венок, пропускает вперед с цветами всех бабушек, вообще всех пришедших.

Есть местная специфика: здесь всюду потомки репрессированных. Сосланных, замученных. Они здесь всюду работают, в том числе во власти.

Поражает полное отсутствие полиции — в предыдущие несколько лет, пусть на расстоянии, всегда дежурили несколько машин. Нет сейчас и СМИ.

Акция «Возвращение имен» в Красноярске больше не проходит, имена расстрелянных организовано красноярцы уже несколько лет не зачитывают. Из сохраненных традиций — бабушки идут и раздают всем собравшимся шоколадные конфеты — помянуть ими погибших и претерпевших. И всегда почему-то так получается, что находящийся рядом колесный пароход «Святитель Николай» с экскурсией посещают школьники, и они непременно звонят в рынду — и это тот самый колокол Джона Донна (и Эрнеста Хемингуэя), и

нестройный звон плывет, когда к камню кладут цветы, «смерть каждого человека умалет и меня, ибо я един со всем человечеством, а потому не спрашивай никогда, по ком звонит колокол: он звонит по тебе».

В Красноярском крае жертв сталинских репрессий было не меньше одного миллиона. Каждый второй-третий на этой земле. Число выведено сугубо из данных госорганов (РУ ФСБ, ГУ МВД, прокуратуры, краевого суда, госархива, Центра хранения и изучения документов новейшей истории), собранных и сведенных вместе красноярским «Мемориалом».

30 октября, Красноярск. У памятного камня жертвам политрепрессий. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Конкретно это общество, это юрлицо «иноагентом» не объявлялось, но оно было одним из учредителей Международного «Мемориала», признанного государством «иноагентом» и ликвидированного. Красноярский «Мемориал»

простоял дольше — очередное его собрание лишь в марте с.г. решило ликвидировать юрлицо и продолжить работать без счета, печати и прочих атрибутов. К этому были готовы и шли к этому, изначально делая упор на оцифровывание коллективной памяти, на возвращение имен в облака — помещению их в облачные хранилища. Чтобы уж точно отсюда до них не дотянулись, чтобы могли только читать и помнить, но руками не трогали.

— Работу мы делать умеем, а бюрократические процедуры нет, — сказал «Новой» у мемориального камня Алексей Бабий, лидер красноярского «Мемориала». — Приняв решение о ликвидации, баланс обнуляли все лето. Ну и другие всякие сложности были. Позавчера все закончилось, налоговая прислала извещение, что все процедуры пройдены...

Что касается работы, то мы делаем ровно то же, что и делали, — обрабатываем собственный архив, выкладываем эшелонные списки депортированных в край из Автономной Советской Социалистической Республики Немцев Поволжья (и, к слову, в ближайшие месяцы дойдем до конца, все 79 000 выложим). Я в госархиве работаю над Книгой памяти по раскулаченным — мы дошли за все эти годы только до середины. Из списка лишенцев отбираются те, которые подлежат реабилитации, — это примерно половина.

Красноярск